

С. Н. ВАЛК

Еще о Болтинском издании Правды Русской

В «Трудах Отдела древнерусской литературы» в свое время была напечатана моя статья о работе Ивана Никитича Болтина над вышедшим в 1792 г. изданием Правды Русской.¹ В 1973 г. в «Вопросах истории» о том же издании появилась своеобразная статья члена Союза писателей СССР А. Л. Никитина.² Последующие строки и будут содержать некоторые замечания, вызванные имеющимися в статье А. Л. Никитина суждениями.

В историографической части своей статьи А. Л. Никитин усматривает в отношении ряда ученых к трудам В. Н. Татищева, А. И. Мусина-Пушкина, а также И. Н. Болтина некоторую «определенную традицию», которую и пытается обличать. По его утверждению, именно любовь к отечеству, одушевлявшая Татищева, Мусина-Пушкина и Болтина, послужила причиной обвинения этих деятелей в «тенденциозности» и даже «фальсификации» (с. 55).

Какие же ученые явились носителями этой «определенной традиции» по отношению к И. Н. Болтину и какова роль этой «традиции» в прошлом и настоящем нашей археографии?

Родоначальником этой «определенной традиции» А. Л. Никитин считает Н. М. Карамзина. Следует, однако, отметить, что еще ранее того К. Ф. Калайдович, знавший А. И. Мусина-Пушкина и получивший от него некоторые сведения, уже писал о Болтинском издании, что «критика всегда потребует отчета в том, для чего не описана рукопись, с коей Правда Русская напечатана».³ Но действительно, Карамзин был первым, кто заявил относительно Болтинского издания Правды Русской, что «в печатном [издании] находятя неисправности, большею частью умышленные, то есть мнимые поправки»; вслед за тем он отмечал эти «неисправности» и в своих примечаниях.⁴

Далее, по указанию опять самого А. Л. Никитина, обратимся к Н. Д. Дубенскому, впервые издавшему Пушкинский список Русской Правды и сравнившему Болтинский текст с текстами, уже известными тогда

¹ С. Н. В а л к. И. Н. Болтин и его работа над Русской Правдой. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, с. 650—654; статья эта включена в несколько переработанном виде в состав исследования: «Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII—начала XIX в.» (Археографический ежегодник за 1958 год, М., 1960, с. 142—148).

² См.: А. Л. Н и к и т и н. Болтинское издание Правды Русской. — ВИ, 1973, № 11 (далее в скобках в тексте указываются страницы статьи А. Л. Никитина).

³ К. Ф. К а л а й д о в и ч. Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей графа А. И. Мусина-Пушкина. — Записки и труды ОИДР, ч. II. М., 1824, с. 27—28.

⁴ История государства Российского, кн. I, т. II. Изд. 5-е. СПб., 1842, гл. III, прим. 65, 67 и др.

в печати, и с еще одним рукописным. Заключение Н. Д. Дубенского о тексте издания Болтина по существу своему не отличалось от сделанного Карамзиным — текст этот «сводный и достоинством должен уступить новейшим не харатейным, но подлинным и с большею исправностью напечатанным, каковы Крестинина и Софийский».⁵

Из дореволюционных изданий текстов Русской Правды самым выдающимся и остающимся почти в течение целого столетия самым авторитетным было издание, подготовленное Н. В. Калачовым. В распоряжении Калачова оказалось более 40 списков Правды. Сравнив внимательнейшим образом Болтинский текст со всеми известными ему списками, он тщательно отметил варианты Болтинского текста и, таким образом, с еще большим основанием устанавливал, подобно К. Ф. Калайдовичу, что использованная Болтиным рукопись «хотя и названа пергаминной и весьма древней, но вовсе не описана»; относительно же самого текста Болтинского издания Калачов писал: «Можно сказать почти утвердительно, что варианты из других списков издатели вносили в текст для исправления невразумительных им слов, потому что, вопреки их обещанию, в примечаниях не показано никаких отмен, которых, при сравнении списков, должно было оказаться большое количество». Калачов считал, что «рассматриваемое нами издание не имеет для нас важности даже Крестининского списка, хотя, без сомнения, оно напечатано с весьма древней рукописи».⁶

А. Л. Никитин утверждает, что после Н. Д. Дубенского «историю заблуждений и ложных поисков можно подробно не излагать» (с. 56): все же он добавляет, что именно Калачов «сделал следующий и последний шаг» (с. 56). Самое примечательное — это утверждение А. Л. Никитина, будто, «собственно, на этом и закончилось изучение издания 1792 г.».

А. Л. Никитину, очевидно, осталось неизвестным, что именно в советской историографии проявился наиболее напряженный интерес к изучению Правды Русской; он сказался в исследовательской литературе; он сказался и в том, что после столетнего перерыва советским ученым удалось осуществить не одно, а два новых замечательных издания Русской Правды, основанных на изучении обширнейшего количества вновь разысканных рукописей и на совершенно новой их научной классификации.

Но еще до выхода последних советских изданий текстов Правды Русской, имея в руках одно только калачовское издание, не обошел Болтинского издания в своих работах выдающийся советский исследователь всех трех редакций Русской Правды Н. А. Максимейко: он посвятил три разно-сторонние работы именно Пространной Правде. В одной из них — об интерполяциях в ее тексте — Максимейко пришел к заключению, что «хотя в основе Болтинского издания бесспорно лежал какой-то список Карамзинской фамилии, но авторы его изменяли текст своего оригинала, отчасти под влиянием других списков Русской Правды, как печатных, так и неизданных, а отчасти из собственных историко-юридических соображений (міркуваннів)».⁷

Одно из изданий Правды Русской было подготовлено Академией наук УССР. Его составителем был выдающийся знаток истории древнерусского права Серафим Владимирович Юшков. Им в этой связи было изучено около 100 списков Правды, однако Юшков даже и не упомянул о Болтинском тексте как возможном источнике для установления текста Правды.

⁵ Русские достопамятности, ч. II. М., 1843, с. XI—XII.

⁶ Н. В. К а л а ч о в. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. Изд. 2-е. СПб., 1880, с. 5—6.

⁷ М. М а к с и м е й к о. Интерполяції в тексті поширеної Руської Правди. Київ, 1929, с. 3 (отгиск).

Так же красноречиво он обошел молчанием это издание и в своем исследовании Русской Правды.⁸

Недопустимым пренебрежением надо признать отношение А. Л. Никитина к вышедшему под редакцией академика Б. Д. Грекова академическому изданию Правды Русской. Используя вдвое большее по сравнению с изданием Н. В. Калачова количество рукописей, советское академическое издание было основано на новой их классификации, автором которой был долгие годы трудившийся над ее выработкой московский, ныне покойный, историк Викторин Павлович Любимов. И это издание исключило Болтинский текст Правды из состава источников для установления текста, с мотивировкой, что он является «компиляцией XVIII в. из разных списков».⁹

Наконец, несомненно наиболее авторитетным является отношение к Болтинскому изданию столь выдающегося знатока Русской Правды, как академик М. Н. Тихомиров. Его мнение особенно существенно, так как в академическом издании Правды Русской им были подготовлены к печати именно те виды карамзинской группы списков Правды (Оболенско-Карамзинский и Музейский виды), которыми жонглирует в своих текстологических упражнениях А. Л. Никитин. Общеизвестны принадлежащее М. Н. Тихомирову выдающееся исследование о Русской Правде, а также и «Пособие для изучения Русской Правды», в составе которого он поместил, в качестве вводной, статью «Историография Русской Правды и происхождение ее редакций».¹⁰

В своем большом исследовании М. Н. Тихомиров сжато охарактеризовал Болтинское издание. Сравнивая его с изданием Крестининского списка, ученый писал, что оно «также отличалось рядом произвольных поправок, внесенных авторами в текст Правды». В своем дальнейшем изложении М. Н. Тихомиров, естественно, ни малейшего внимания Болтинскому изданию уже не уделял.¹¹ Позднее он подробнее повторил свое мнение в учебном издании Правды; здесь, после характеристики издания Крестинина, как выполненного «довольно точно и близко к подлиннику», находим следующие строки об издании Болтина: «Несколько позже (в 1792 г.) было напечатано новое издание Пространной Правды. На этот раз издателем был И. Н. Болтин, напечатавший текст с сохранением надстрочных знаков. К сожалению, и это издание отличалось особенностями, характерными для XVIII столетия. Издатели дополняли и исправляли текст древнего сборника на основании других рукописей и собственных домыслов».¹²

А. Л. Никитин полагает, что он все же обрел единомышленницу в лице А. Т. Николаевой. Действительно, А. Т. Николаева писала приводимые А. Л. Никитиным слова, гласящие, что «характерной особенностью Болтина как археографа является чрезвычайно бережное отношение к публикуемому источнику, стремление донести его до читателя в неприкосновенности» (с. 54). Однако, преследуя другие задачи и не изучив, помимо Болтинского, как явствует из ее изложения, ни одного другого — ни печатного, ни, тем паче, конечно, рукописного — текста Правды, А. Т. Николаева была тем самым лишена даже малейшей возможности судить о составе Болтинского текста, а также установить, что

⁸ Руська Правда. Склад та підготував до друку проф. С. Юшков. Київ, 1935; С. В. Юшков. Русская Правда, происхождение, источники, ее значение. М., 1950.

⁹ Правда Русская, т. I. М.—Л., 1940, с. 13, прим. 6.

¹⁰ М. Н. Тихомиров. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953, с. 9.

¹¹ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. М.—Л., 1941, с. 12.

¹² М. Н. Тихомиров. Пособие. . . , с. 9.

понимал Болтин как археограф XVIII в. под словами «бережное отношение» к тексту.

Статья А. Л. Никитина сводит на нет весь большой и успешный труд дореволюционной и советской исторической науки по изучению Болтинского издания. По его утверждению, путь, пройденный в этом направлении, не что иное, как непрерывная сплошная «история заблуждений и ложных успехов» (с. 56). Советские же историки, вплоть до М. Н. Тихомирова (не говоря уже об их предшественниках), объединенные, согласно Никитину, «определенной традицией», оказываются в сонме лиц, мнение которых о Болтинском издании определялось якобы их «неприятною» к его издателю, неприязнью, вызванной тем, что И. Н. Болтин был одушевлен любовью к своему отечеству.

В своих текстологических рассуждениях А. Л. Никитин опирается на следующие слова предисловия Болтина к его изданию Правды Русской: «. . . текст законов точно так напечатан, как он в рукописи находится, без всякия перемены не только в словах, ниже в одной букве» (с. 58). Никитин утверждает, что в примечаниях Болтина «указаны все изменения в тексте, равно как и все варианты других списков» (с. 58). Далее находим у Болтина существенное, однако, ограничение: «. . . где нашлись в списке, которому мы следовали, упущения в словах, небрежением писца учиненные, а в других списках оные слова находятся, те мы внесли в текст без всякого усумнения», — т. е., иначе говоря, без каких-либо оговорок.

А. Л. Никитин ополчается против «критиков» и «скептиков», которые принимали это заявление И. Н. Болтина в его прямом смысле и утверждали, что на деле не все установленные им варианты Болтин считал должным приводить в примечаниях. Согласно утверждениям А. Л. Никитина, «текст издания 1792 г. является точным печатным текстом Болтинского списка Правды Русской» (с. 65). В своем распоряжении, по тем же разысканиям А. Л. Никитина, Болтин при подготовке издания имел, помимо списка с «оригинальным Болтинским текстом» (с. 64), печатные издания (ими была Краткая Правда и Крестининское издание Пространной Правды), а также «неизвестные нам» списки двух видов Пространной редакции: Оболенско-Карамзинского и Музейского (с. 65).

Для уровня историко-археографических познаний А. Л. Никитина характерно то возмущение, с каким он обличает «критиков», которые «распоряжались текстом 1792 года с поразительной бесцеремонностью, обвиняя издателей текста в „антиисторизме“» (с. 57). А. Л. Никитин несомненно не подозревает, что Болтин, издавая Русскую Правду, считался не с теми теориями и правилами, которые А. Л. Никитин, очевидно, усвоил, а с теми, которыми руководились такие выдающиеся критики текста второй половины XVIII в., как например А. Л. Шлецер в его знаменитом «Несторе», как Н. М. Карамзин в своих примечаниях в «Истории государства Российского», как, наконец, даже еще Я. И. Беренников при издании им первых томов «Полного собрания русских летописей» в 40-х годах XIX в. Когда Шлецер готовил своего «очищенного» (точнее: «чистого») «Нестора», он имел перед собою несколько летописных списков. Однако на вопрос, что Нестор писал действительно и ему ли принадлежит такое-то слово (иногда — такая-то буква, такая-то строка, такое-то место), исследователь искал ответ не в исторической оценке содержащих текст «Нестора» рукописей, а в установленных им самим критериях исправности чтений, обнаруживая, таким образом, «правильные», по его мнению, чтения то в одной, то в другой, то в третьей и т. д. рукописи. Так и для Н. М. Карамзина — Краткая и Пространная Правда были отнюдь не двумя разными исторически сложившимися редакциями Русской Правды, отразив-

шими каждая иной строй общественно-экономических отношений: первая — XI, вторая — XII в. Все списки Русской Правды были для него равнозначны (что для нас, конечно, антиисторично), и Краткой Правдой он пренебрег в своем изложении «законов Ярославовых» на том основании, что Краткая Правда являлась для него, как он и объяснял в своем примечании,¹³ только «худым списком попа Иоанна». Так поступил с Повестью временных лет и Бередников. Не различая исторически ее текстов в составе Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, он напечатал в первом томе ПСРЛ полностью текст ПВЛ в составе Лаврентьевской летописи, и, уже не давая полностью текста Ипатьевской летописи, использовал его только в виде вариантов к Лаврентьевской.

После этого пояснения, неизбежного для понимания «антиисторизма» работы Болтина, вернемся к дальнейшему рассмотрению изысканий А. Л. Никитина.

А. Л. Никитин обнаружил такие чтения «Болтинского оригинального текста», которые «не могут быть объяснены редакционной работой издателя 1792 г., даже если допустить его полный произвол» (с. 61). А. Л. Никитин утверждает, что такие чтения, необъяснимые даже при допущении «полного произвола» Болтина, являются «признаками, характеризующими индивидуальные особенности рукописи, на которую пал выбор при подготовке издания текста», и сам приводит эти «индивидуальные» чтения Болтинского издания. Ну а если бы случилось, что «индивидуальные» чтения Болтинского списка обнаружались не в неизвестной рукописи, а в уже известных нам списках разных редакций и превратились бы таким образом из необъяснимых во вполне объяснимые? Очевидно, согласно представлениям А. Л. Никитина, это доказало бы «полный произвол» Болтина в деле установления им текста своего издания.

Особое возмущение А. Л. Никитина вызвало то, что мною на примере сопоставления текстов первой статьи Краткой и Пространной Правды было показано, что эта первая статья Болтинского текста Правды Русской является «склежкой того, как она читается в Краткой Правде, с тем, как она читается в Пространной Правде», и далее, что Болтин «не только по своему разумению соединяет в одно целое разнородные по своему происхождению части текста, но и то, что дошло в исправном, казалось бы, виде, подвергает часто критике с точки зрения своего понимания и соответственно этому правит текст».¹⁴ Обратимся же к некоторым наблюдениям над установленными А. Л. Никитиным «индивидуальными» чтениями Болтинского текста.

Одно из «индивидуальных» чтений «оригинального Болтинского текста» — «ябегник» — было внесено, как указывает сам Болтин (и что признает А. Л. Никитин), из «Татищева, печатанного при Академии наук», т. е. из комментированного В. Н. Татищевым издания Академического списка Новгородской I летописи, сохранившегося до наших дней в Библиотеке Академии наук СССР. «Оригинальный Болтинский текст», каков бы он ни был, все же является по своему составу одним из текстов Пространной редакции Правды Русской, а Академический список, по которому издана «Татищева печатанная» Правда, является текстом Краткой ее редакции. Итак, уже здесь можно сделать вывод, что Болтин, как и другие археографы того времени, как Шлецер, Карамзин и Бередников, не видел различий исторического происхождения и значения текстов

¹³ Н. М. Карамзин. История государства Российского, кн. I, т. II, гл. III, прим. 67.

¹⁴ С. Н. Валк. Русская Правда в изданиях и изучении XVIII—начала XIX в., с. 144.

Краткой и Пространной Правды. Из объяснений Болтина в соответствующем примечании явствует, что, имея перед собою разные списки Правды Русской и обнаружив в ст. I Пространной Правды «мечника», он увидел в нем «военную службу проходящего». В то же время в татищевском тексте Краткой Правды Болтин обнаружил рядом с «мечником» «ябетника», и тогда ему «вероятнее» показалось видеть в «ябетнике» соответствующего «мечнику» гражданского человека, «отправляющего земскую или приказную службу».¹⁵ Несомненно, что такое антиисторическое смешение Болтиным терминов двух разных редакций с целью получения более полного, по его разумению, текста, являлось, как мы видим из этого примера, приемом совершенно естественным и правильным в рамках его рационалистических взглядов на установление текста. Создавать такой сводный из разновременных источников текст который не отражал никаких исторически реально существовавших ни в XI, ни в XII в. отношений, было Болтину вполне позволительно, но А. Л. Никитину совершенно непозволительно этого не понимать.

Однако обратимся именно к тем «индивидуальным» чтениям «оригинального» Болтинского текста, которые, по утверждению А. Л. Никитина, «не могут быть объяснены редакционной работой издателя» (ибо слово «ябетник», как мы видели, было все же явным порождением редакционной работы Болтина).

Первое, обнаруженное А. Л. Никитиным «индивидуальное» чтение «Болтинского оригинального текста» находится в издании 1792 г. в составе параграфа «о вирах» (§ 5, ч. 16). Именно здесь начало параграфа читается: «...а се поклоны вирные были». «Индивидуальным» в этом составе слов является термин «поклоны», и «индивидуальность» этого чтения «Болтинского оригинального текста» А. Л. Никитин обосновывает тем, что «всем, без исключения», спискам Музейского вида присуще чтение не «поклоны», а «поконы». Однако «индивидуальность» Болтинского чтения «поклоны» сохраняется только до тех пор, пока мы остаемся в пределах списков Пространной Правды. Она тотчас исчезает, если мы ознакомимся с Краткой редакцией. Именно там и только там мы находим в этом сочетании «поклон вирный» в ст. 42, как и у Болтина. А нам известно из только что сказанного в связи с «ябетником», что у Болтина была при работе над текстом «Татищева печатанная», т. е. Краткая, Правда. Источник «индивидуальности» Болтинского «оригинала» в данном случае определяется без труда.

А вот следующее обнаруженное А. Л. Никитиным «индивидуальное» чтение в том же параграфе «о вирах» (§ 5, с. 17). Среди перечисления того, что полагается «вирнику взяти», читаем в «оригинальном» Болтинском тексте: «...а в среду резана». Действительно, чтение это «индивидуально», но опять только постольку, поскольку, как и в предыдущем случае, мы удовольствуемся, следуя за указанием А. Л. Никитина, только тем, что «всем, без исключения, спискам Музейского вида» свойственно другое чтение, а именно: «...а в середу куна». Действительно, чтение «куна» имеется во всех списках Пространной Правды (ст. 9), но «индивидуальное» чтение «оригинального» Болтинского текста «резана» приобрело такое «индивидуальное» значение лишь потому, что А. Л. Никитину остался и на этот раз неизвестен тот же бывший в руках Болтина текст Краткой редакции Правды с «резаной» (ст. 42).

Теперь мы можем сделать некоторые выводы. Прежде всего, А. Л. Никитину незнакома Краткая редакция Русской Правды, изучаемая студен-

¹⁵ Правда Русская, или Законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха. 1792, § 1, с. 8 (далее ссылки на параграфы, главы и страницы приводятся в тексте).

тами на первом курсе исторического факультета. Далее: А. Л. Никитин дал нам тем самым приятную возможность (при собственном содействии) установить и некоторые действительные приемы работы Болтина. А. Л. Никитин писал о «вопиющем противоречии», в котором находится с текстом предисловия Болтина мое утверждение о соединении в одно целое разнородных по своему происхождению частей текста. На примере указанных А. Л. Никитиным случаев мы наблюдали именно это соединение в издании Болтина в одно целое чтений двух редакций Правды Русской, разделенных одна от другой временем больших социальных сдвигов.

Продолжим наши наблюдения над «индивидуальными» Болтинскими чтениями опять-таки при любезном руководстве со стороны А. Л. Никитина.

А. Л. Никитин обнаружил в качестве еще одного «индивидуального» чтения Болтинского издания, что «во всех списках Музейского вида» имеются в составе ст. 27 слова: «. . или нос утнет», а в соответствующем месте Болтинского издания (§ 11) («о мече») они отсутствуют. Однако для точности А. Л. Никитину следовало бы привести целиком ту часть текста Музейского списка, в составе которого эти слова находятся, ибо тогда там же обнаруживается еще и другое будто бы «индивидуальное» Болтинское чтение. В Музейском списке это место читается: «. . или нога, или око, или нос утнет», тогда как в Болтинском: «. . или нога, или око истнет». Иначе говоря, индивидуальность Болтинского текста на сей раз состоит не только в том, что в нем исчезли слова «или нос утнет», но и в том, что далее вместо Музейского «утнет» мы находим чтение «истнет». Но здесь обнаружить источник «индивидуальных» чтений Болтинского текста оказалось бы гораздо труднее, так как такого рода чтения имеются только в двух видах Пространной Правды — Розенкампофском («истгнет») и Ферапонтовском («исткнет») (ст. 27). Отыскав эти «оригинальные» чтения в указанных списках, А. Л. Никитин был бы вознагражден тем, что в этих же списках сразу обнаружил соответственно в статьях 25, 70, 108 и 112 и еще 4 установленных им будто бы «индивидуальных» чтения «оригинального» Болтинского текста: «тылеснею» (§ 11, с. 30), «им же ловлено» (гл. IX, ст. 1, с. 68), «аще братия растяжутся о заднице» (гл. XXII, ст. 3, с. 89), «а заповесть» (гл. XXIV, ст. 3, с. 93).

Однако 4 последних «индивидуальных» чтения тем весьма примечательны, что они особенно ясно раскрывают круг познаний А. Л. Никитина в общем составе текстов Пространной Русской Правды. Именно здесь обнаруживается, что указанные 4 «индивидуальных» чтения, за единичными исключениями, имеются в 11 (из 12) видах (включая знакомые А. Л. Никитину, по-видимому, лишь вприглядку Новгородско-Софийский и Оболенско-Карамзинский) и в 76 (из 84) списках Пространной Правды. Таким образом, теперь наглядно обнаруживается, что А. Л. Никитин не только незнаком с Краткой Правдой, но и что из всего множества видов и списков Пространной Правды он счел достаточным привлечь для своих «изысканий» только один вид — Музейский.

Итог вышеизложенного был бы совершенно гибелен для характеристики труда Болтина, если бы к оценке его применить критерии А. Л. Никитина. Ведь А. Л. Никитин писал по поводу установленных им «индивидуальных» чтений издания 1792 г., что они «не могут быть объяснены работой издателя, даже если допустить его полный произвол» (с. 61). Однако именно потому, что «индивидуальные» чтения оказались итогом тщательного выбора Болтиным чтений из имевшихся у него списков Правды — и Краткой, и Пространной, — мы имеем в издании 1792 г. не простую копию мифического списка Русской Правды и не «полный произвол» в выборе чтений, но труд археографа XVIII в., соответствующий взглядам и теориям того

времени, а не археографическим правилам нашей современной науки, столь догматично усвоенным А. Л. Никитиным.

Для оценки статьи А. Л. Никитина следует обратить внимание на тот характер, которым отличается ее стиль и язык. В ней так и мелькают выражения: «поразительная бесцеремонность», «вопиющее противоречие», есть и «вивисекция», и т. п. Но дело даже не в стиле, гораздо хуже неблагоприятные приемы аргументации, к которым прибегает А. Л. Никитин. Вот так он излагает мое отношение к деятельности И. Н. Болтина: «Отказывая Болтину в самой возможности исторического подхода к тому или иному документу», Валк «пренебрежительно отзывается об исторических взглядах Болтина, а порой в его отношении к историку XVIII в. проскальзывает даже враждебность» (с. 54—55). На самом деле я пишу в заключении своей общей характеристики деятельности Болтина следующее: «... тем не менее после сказанного нетрудно понять значение труда Болтина, давшего критический текст Правды с переводом и комментариями, стоявшими на уровне достижений тогдашней науки, и русской, и общеевропейской».¹⁶

¹⁶ С. Н. Валк. Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII—начала XIX в., с. 149.